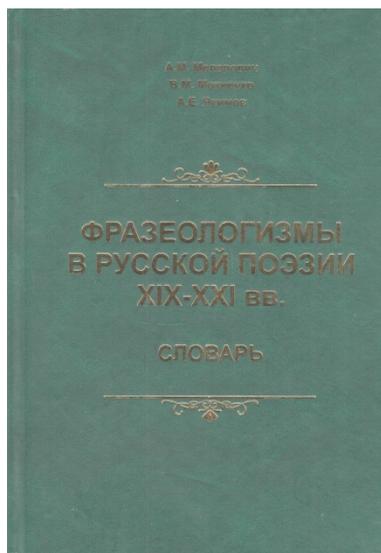

DOI: 10.17223/22274200/16/11

Рецензия на книгу: Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв. Словарь: опыт лексикографической систематизации употребления фразеологизмов в русской поэзии / А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, А.Е. Якимов; под науч. ред. В.М. Мокиенко. – Кострома: КГУ, 2016. – 628 с.

Словарь представляет собой не имеющее аналогов фразеографическое исследование, в котором обобщен опыт анализа употреблений фразеологизмов в русской поэзии, способов преобразования их значения и формы. При этом каждое употребление фразеологической единицы рассматривается как элемент системы поэтического текста, поэтического творчества автора, его идиостиля. Представленное в словаре описание фразеологизмов в русской

поэзии фиксирует ключевые образы в творчестве разных поэтов, способствует обнаружению и систематизации фразеологических символов, репрезентирующих определенные константы русской поэтической картины мира. Каждую словарную статью завершает историко-этимологический комментарий.

Словарь адресован учащимся школ, гимназий, лицеев, колледжей, изучающим русский язык, русскую литературу; студентам вузов, учителям и преподавателям, филологам, писателям, переводчикам, этнографам, журналистам, а также всем, кто проявляет интерес к русской фразеологии и русской поэзии.

Словарь продолжает серию изданий, принадлежащих авторам-составителям, и в первую очередь – словаря «Фразеологизмы в русской речи» (первое изд. – 1997 г.), определившего принципы лексикографической обработки индивидуально-авторских употреблений идиоматических единиц, основанных на объединении теории и практики русской фразеографии. Именно это издание является теоретической и практической основой, на которой создавались последующие словари фразеологических модификаций.

В рецензируемой книге обобщается огромный опыт изучения формальных и семантических изменений фразеологизмов, дающих многочисленные трансформации и функциональные варианты, осуществляется описание русской поэтической идиоматики в ее «речевой

динамике» (с. 5). Такой подход позволил рассматривать, по сути, каждый фразеологизм как элемент идиостиля конкретного автора. Показательно, что словарная статья сопровождается историко-этимологическим комментарием, позволяющим осмыслить процессы фразеобразования, систематизировать корпус фразеологических символов, в значительной степени определяющих функционирование русской фразеологии.

Основополагающей позицией авторов является воплощение принципа фиксации и систематизации тех изменений, которые сопровождают «реальную жизнь фразеологизма» (с. 5), развертывание его функционально-семантического и прагматического текстового потенциала. Последовательно воплощается лексикографическое положение, согласно которому становится очевидным, что изменение формы и содержания является не курьезом, нарушением или даже небрежностью в использовании идиоматических средств языка, а закономерностью, условием их употребления. Такой подход позволяет не только выявить пути развития русской фразеологии, но и осмыслить особенности языка писателя, специфику авторской поэтической картины мира в аспекте истории русского литературного языка.

Принципы отбора материала ориентированы на широкое понимание фразеологии, включающее собственно фразеологизмы, пословицы, крылатые выражения, при этом, как отмечают авторы, упор делается на «устойчивые сочетания слов, основанные на полном переосмыслении» (с. 7), соответствующие в классификации В.В. Виноградова фразеологическим единствам и фразеологическим сращениям, составляющим основу русской идиоматики.

Обращение к пласту паремиологическому и интертекстовому (т.е. пословицам и крылатым выражениям) имеет глубоко продуманный и оригинальный характер. Этот материал отражается в соответствующих специализированных словарях, однако фактическое их «присутствие» в живой речи происходит часто через трансформацию, сегментацию, переосмысление и т.п. При этом разного рода обыгрывание дает единицы, близкие структурно к традиционным фразеологизмам, существующим, однако, «на фоне» источника и являющимся фразеологическими дериватами. Например, поговорка **Ложка дегтя портит бочку меда** образует серию производных выражений: **припасать ложку дегтя, опрокинуть бочку дегтя, выловить каплю меда для подслащения бочки дегтя, подлить дегтя в фииням** и др. Соответ-

ствующим образом строится и словарная статья. В качестве заголовка берется «стержневой» компонент. После примеров использования выражения в узуальном значении вводятся трансформации, показываются стилистические приемы и функциональные особенности, связанные с концептуальным содержанием, системой художественных образов конкретного автора. При этом последовательно учитывалась степень полноты сохранения исходного содержания фразеологизмов, их креативный потенциал. Такой подход позволял выделить то, что авторы называют «продуктивными способами индивидуально-авторского преобразования» (с. 9). Например, вокабула **добро** как стержневой компонент получает интерпретацию через сочетание **добро и зло**, «обозначающее взаимно детерминированные понятия: **добро** в значении ‘благо, благополучие’ противопоставлено **злу** в значении ‘нечто плохое, дурное’, и наоборот, **зло** в данном значении противопоставляется **добру** в данном значении» (с. 173). Далее следуют комментируемые производные единицы: **бездна добра и зла** (Ф. Искандер), **игра добра и зла** (Г. Иванов), **искать добра и находить лишь зло** (А. Фет), **меж добра и зла** (Б. Ахмадулина, с комментированием синтаксической конструкции как результата интертекстовой деривации со ссылкой на М.Ю. Лермонтова), **печать добра и зла** (А. Тарковский), **поперек добра и зла** (А. Межиров), **добро и зло соседствуют исконно** (С. Липкин), **к добру и злу посыдно равнодушны** (М. Лермонтов) и др.

Показательно, что наряду с толкованием узуального значения последовательно даются «ситуативные подтолкования» (с. 11), указывающие на типовую ситуацию или способствующие уяснению текстовых смысловых вариаций, расширяющих собственно исходное содержание. Например, фразеологизм **открывать Америку** в индивидуальном употреблении представлен как **открывать в Америке Америку** – ‘обнаруживать в уже известном новое’, иллюстрируемый цитатой из А. Вознесенского – «**Открываю, сопя, В Америке Америку**»).

Обработка материала опирается на систематизацию основных тенденций речевого структурно-семантического моделирования, что, без сомнения, «способствует выявлению закономерных связей между значением и формой ФЕ» (с. 12). Подобный подход позволяет выявить такие глубинные функциональные тенденции, как установление внутрифразовых значений слов-компонентов, выявление их системных связей в проекции на лексическую систему русского языка.

Особо хотелось бы отметить иллюстративную составляющую словаря. Здесь подбор литературного материала соответствует стремлению авторов отразить структуру инвариантного значения фразеологизма, учесть многочисленные функционально-семантические оттенки, особенности текстовой актуализации, лексическую и синтаксическую сочетаемость. Такая интерпретационная методика была последовательно подчинена стремлению показать «продуктивные способы индивидуально-авторского преобразования» (с. 14). Очевидно, что предпочтение оказывалось цитатам, имеющим «наибольшую художественно-познавательную ценность» (Там же). Такой подход позволил показать преемственность приемов окказионального употребления выражений, интертекстуальную перспективность идиостилия конкретного автора или литературного направления, наметить выявление образов-концептов.

Одним из принципиальных положений для авторов-составителей стало понятие «фразеологическая конфигурация», под которой понимается «структурно-семантическое единство, образуемое фразеологической единицей и фразеологическим контекстом – ее вербальным окружением, достаточным для идентификации ФЕ в тексте и реализации ее функционального значения» (с. 15). Соответственно, этот подход позволил структурировать иллюстративную часть с учетом основных функциональных разновидностей описываемого материала (семантизации, или определения смыслового содержания, выявления семантико-стилистической вариантности, а также случаев, совмещающих семантизацию и функционально-стилистические особенности). Например библеизм **не от мира сего** («о крайне неприспособленном к жизни человеке, мечтателе») вводится с использованием структурно-семантической аналогии по противоположности **от мира сего** («о человеке «себе на уме», умеющем приспособливаться к разным обстоятельствам, находить свою выгоду»). При этом образуется одноструктурное антонимическое противопоставление. Функциональная перспектива представлена в иллюстративном примере из И. Бродского – **от мира сего заочно** («Речь о пролитом молоке»).

По этому же принципу строятся словарные статьи под ключевыми словами. Например, **орех** в составе фразеологизма **щелкать как (будто, словно, точно) орехи** трансформируется в сравнение **как орехи грецкие щелкаю я их (дороги)** (В. Высоцкий); **песня** (*из песни слова не выкинешь*) встречается у Ю. Левитанского как **слова те из**

песни я выброшу); плечо (сбрасывать / сбросить, сваливать / свалить с плеч) дает серию модификаций: не сбросить тяжесть с плеч (А. Кушнер), сбросить с плеч воспоминаний груз (Л. Мартынов), чужую ношу сбросить с плеч (А. Тарковский), день этот синий, скинутый с плеч (К. Ваншенкин), ноши не будет с этих плеч (М. Цветаева); пуд (пуд соли съесть) включает съесть пуды совместной каши (И. Губерман), пуд соли столовой съесть (В. Маяковский).

Приведем еще один пример использования фразеологической конфигурации в словарной статье слово – серебро, а молчание – золото: помолчи – попадешь в богачи (А. Галич); Золотом во тьме веков Порой молчанье покупали Молчанье – золото... Не так! Молчанье – ложь! Молчанье – враг! <...> Суровый голос из бессмертья Взывает: «Не могу молчать» (Д. Кугультинов).

Функциональный потенциал русской поэтической фразеологии представлен преобразованиями, которые отражаются в соответствующей рубрикации, помещенной во Введении (приобретение дополнительного семантического оттенка, переосмысление, изменение коннотативного содержания, двойная актуализация, буквализация, переосмысление внутренней формы, экспликация внутренней формы, расширение компонентного состава и мн. др.) (с. 16–24). Показательно, что вводная часть издания содержит обширный «Список словесных обозначений фразеологических конфигураций» (с. 43), завершается издание содержательным «Указателем ключевых слов», позволяющих читателю не заблудиться в хитросплетениях русской поэтической фразеологии, почувствовать ее гибкость, ощутить бесконечную семантическую, экспрессивную, грамматическую вариативность материала.

Словарь «Фразеологизмы в русской поэзии XIX–XXI вв.» построен на глубоко продуманной научной методике, основанной на разно-сторонней интерпретации употреблений фразеологизмов. Данное издание не имеет аналогов и представляет собой плодотворный опыт проникновения в глубинные пласты фразеологии, ее структурные и семантические преобразования в системе поэтического текста, позволяющие вывить константы русской поэтической картины мира, показать процессы фразеологической вариантности и фразеологической деривации. Словарь адресован учащимся средних учебных заведений, студентам вузов, преподавателям, писателям и переводчикам, всем, кто неравнодушен к живому русскому слову.

К.П. Сидоренко

Book Review: Mokienko, V.M. (Ed.) (2016) *Frazeologizmy v Russkoy Poezii XIX–XXI Vv. Slovar’: Opyt Leksikograficheskoy Sistematizatsii Upotrebleniya Frazeologizmov v Russkoy Poezii* [Phraseological Units in Russian Poetry of the 19th–21st Centuries. A Dictionary: An Experience of Lexicographical Systematization of Phraseological Units in Russian Poetry]. Kostroma: Kostroma State University. 628 P.

Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography, 2019, 16, pp. 175–180.

DOI: 10.17223/22274200/16/11

Konstantin P. Sidorenko, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: sidorenko274@yandex.ru